

БИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Основной учебный текст

Василий Кириллович Тредиаковский принадлежал к типу автодидактов: свои представления о Вселенной, человеке и духовно-моральных аспектах его бытия, о языке, о красоте и искусстве – т.е. о том, что больше всего занимало его ищущий ум, он не заимствовал у кого-то в готовом виде, но вырабатывал сам. Эти представления выросли на почве европейской ренессансной и постренессансной культуры в любопытном сочетании с некоторыми представлениями родной Тредиаковскому Православной церкви; они восходили к определенным источникам, и по своему генезису не могли считаться абсолютно оригинальными. Однако Тредиаковский заимствовал не систему взглядов, не законченные концепции, а, скорее, отдельные мысли и представления, которые соединял между собою во многом по-своему, благодаря чему создавалось нечто своеобразное. Кроме того, к чужим идеям он относился предельно творчески, не просто их подхватывая, но вживаясь в них и, тем самым, делая их отчасти и собственными.

Люди такой самобытной интеллектуальной складки нередко встречаются среди художников, причем самого крупного калибра: автодидактизм подобного рода способствует выявлению неповторимого творческого лица: оставаясь в пределах русской литературы можно назвать, например, А.С. Шишкова, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова. С ними, по своему типу, вполне однороден и В.К. Тредиаковский – возможно, наиболее самостоятельный и оригинальный русский литератор XVIII века. Так же, как и они, Тредиаковский отличался чрезмерным упорством в отстаивании выношенных им мнений, увлеченностью и страстностью суждений. Причем, что встречается очень редко среди мыслителей автодидактического покроя, он никак не был самоучкой; совершенно напротив, получив прекрасное образование, Тредиаковский не переставал систематически расширять свои знания. Он был по-настоящему ученым человеком, и ученость его в целом ряде областей была огромной.

Тредиаковский родился в Астрахани 22 февраля 1703 года; происходил он из духовной среды: и его дед, и отец были священниками. Обстановка церковного быта и культуры, окружавшая Тредиаковского в детстве и юности, во многом объясняет его превосходное знание славянского церковного слова и общую приверженность учению Православия (и вообще Апостольской Церкви), которая отчасти выделяла писателя из круга литераторов XVIII века: конечно, в абсолютном своем большинстве они были людьми верующими и в разной мере церковными, однако мало кто в такой степени, как Тредиаковский, чувствовал собственную принадлежность к Русской Церкви и свою за это ответственность. Церковное начальство платило ему за это благорасположением: Тредиаковский имел прочные связи в Синоде. Правда, тут надо сделать одну существенную оговорку: в начале 1730-х годов Тредиаковский приобрел чуть ли не репутацию опасного вольнодумца, только что сказанное о его верности Церкви относится к более позднему времени.

Примерно в 1720 году (более точная дата науке не известна) в жизни Тредиаковского произошло событие огромной важности: он поступает в школу монахов-капуцинов, которых Провидение посредством причуды русского правительства привело в Астрахань и в ней задержало. Именно здесь он познакомился с А.Д. Кантемиром. Школа дала ему чрезвычайно много, определив как общие его взгляды и реакции, так и некоторые повороты его жизни. Прежде всего, у братьев-капуцинов Тредиаковский превосходно выучил латынь. Во-вторых, необычайно расширился круг его интеллектуально-религиозных представлений: ведь его учителя были католики. Вести сколько-нибудь открытую проповедь католицизма они, естественно, не могли: русские церковные власти были в этом отношении крайне щепетильны и неуступчивы. Но сам дух их преподавания был пропитан католицизмом – и религиозными

его идеями, и, главное, его культурой. Благодаря этому, Тредиаковский смог глубоко проникнуться постренессансным гуманистическим культурным сознанием в католической его огласовке; именно оно определяло тот тип схоластической по форме учености, которую преподавали в школе. В-третьих, Тредиаковский, может быть, завязал во время учебы некоторые полезные знакомства, которыегодились ему в годы жизни за границей, когда он, очевидно, выполнял и определенные церковно-политические поручения русского правительства. Во всяком случае, капуцинской школой он был подготовлен к общению с католическим миром. Кроме того, сам тот факт, что Тредиаковский начал свое серьезное образование в заведении, находящемся – хотя и не географически – в пространстве западной цивилизации, представляется весьма существенным. Благодаря этому, он в совсем особенной перспективе увидел Славяно-греко-латинскую академию, бывшую следующим этапом его прохождения через «врата учености»: Тредиаковскому не могла не броситься в глаза близость московского преподавания к тому, чему его учили капуцины. Имеется в виду не круг предметов, естественно, различный, но общий характер образования; в обоих случаях Тредиаковский столкнулся с одним и тем же типом образованности. «Европейскость» Заиконоспасской школы (так в обиходе называли Славяно-греко-латинскую академию, разместившуюся в Московском Заиконоспасском монастыре) была для него абсолютно бесспорна. Здесь он совершенно по-своему оказывается созвучным Кантемиру: их юношеский культурный опыт, очень несхожий, но в глубинах в чем-то одинаковый, позволил им осознать ту словесную культуру, которая сложилась в петровское время, как культуру европейскую, а значит такую, с опорой на которую при условии плавного ее развития, можно не только смело вступить в сообщество «политических народов», но и оказаться полноправным его членом.

Начало пребывания Тредиаковского в Славяно-греко-латинской академии пришлось на 1723 год. По его собственным словам, привела его в Москву страсть к знаниям: «по охоте к учению... оставил природный город, дом и родителей, и убежал в Москву» (цит. по: Кузнецов В.А. Тредиаковский Василий Кириллович// Три века Санкт-Петербурга. Т.1: Осьмнадцатое столетие. Кн.2. СПб., 2001. С. 410) - писал он в 1744 году. К обучению в академии Тредиаковский был подготовлен не только воздействием семейной церковной атмосферы, неприметным образом приобщившей его к религиозной славянской письменности, и не только полученными у капуцинов знаниями; известную роль тут сыграло и его знакомство с И. Ильинским, оказавшимся в то время в Астрахани, в составе окружения князя Дмитрия Кантемира. Не исключено, что именно он подал Тредиаковскому идею отправиться за знаниями в Москву. Кроме того, Ильинский познакомил молодого астраханца с современным **силлабическим** стихотворством, тем самым введя его в контекст поэтических исканий эпохи. Скорее всего, не без его влияния Тредиаковский сам предался упражнению в словесных искусствах; во всяком случае, его поведение в стенах Заиконоспасского монастыря свидетельствует об уже прежде того пробудившихся литературных устремлениях: там он проявляет себя как одаренный поэт.

Говоря о словесных его трудах в студенческие годы, кроме школьных драм (до нас не дошедших) и «Элегии о смерти Петра Великого», которую он опубликовал в 1730 году, необходимо назвать, вероятно, самое интересное своей перспективностью литературное предприятие тех лет – перевод **романа** Д. Баркляя «Аргенида», над которым он трудился в 1725 году. Это раскрывает нам в заиконоспасском студенте уже достаточно уверенного литератора петровской эпохи, чутко ощутившего магистральное направление развития культуры, стремящейся предстать европейской, соответствуя, при этом, идее абсолютистской государственности, могуче доминирующей в идеологическом хоре первой трети XVIII столетия. Более чем естественным поэтому кажется стремление Тредиаковского приобщиться к европейской культуре в самом чистом ее виде, в наиболее влиятельном варианте. Стремление это и привело его в конечном счете в Париж.

Странствия Тредиаковского по Западной Европе – важнейшая и далеко не во всем проясненная страница его биографии; к тому же, это самый бурный период его жизненного

пути. Он выехал из Москвы в конце 1725 года, проучившись в Славяно-греко-латинской академии более двух лет. Сам путешественник задним числом объяснял свой отъезд на Запад тем же, чем и оставление родной Астрахани – любовью к наукам. Правда, до Парижа он добрался не сразу – некоторое, довольно продолжительное время он обретался в Гааге, где жил у русского посланника графа И.Г. Головкина, изучая французский язык. В Париже Тредиаковский объявился лишь в 1727 году. Однако и в Париже он оказался в окружении русского посланника – князя А.Б. Куракина; поддержка российской дипломатии сопровождала Тредиаковского на протяжении всего его европейского вояжа, который продолжался около пяти лет. Это позволяет предположить, что его путешествие было не вполне частным делом: очень вероятно, что он выполнял какие-либо политико-церковные поручения. В частности, существует предположение, что Тредиаковский стремился установить контакты с янсенистами, заинтересованными в активизации диалога с Православной церковью (см.: Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 105-264). Такого рода деятельность, неофициальная и фактически нам неизвестная, по мнению исследователей, отразилась и в политической подоплеке некоторых его стихотворений, созданных в парижские годы, например, в «Строфах похвальных России» (1728).

Так или иначе, многое в заграничном периоде жизни Тредиаковского остается темным. Но это не так уж и важно: какие бы миссии на него не возлагались и какого бы успеха (или, напротив, неуспеха) он в их выполнении не достигал, для нас несоизмеримо более важно другое – тот культурный багаж, который он приобрел в Гааге и Париже.

В Голландии и Франции Тредиаковский не просто жил, общаясь с европейскими своими современниками и погружаясь в европейскую бытовую культуру. Он не только, так сказать, впитывал западный дух из окружающей его атмосферы, он и серьезно учился – в знаменитой Сорбонне. Там он занимался философией, «математическими науками», теологией. Сам Тредиаковский позднее особо подчеркивал, что в Сорбонне слушал лекции Ш. Роллена, столь близкого ему автора, перевод исторического труда которого стал одним из главных его литературных предприятий. Это не соответствовало действительности: Роллен к тому времени в парижском университете уже не преподавал. Однако, будучи неправдой с точки зрения фактов, в аспекте культурной истории данное свидетельство утрачивает привкус хвастливой выдумки и приобретает важный статус: Тредиаковский заявляет о своем месте в европейской культурной традиции, демонстрируя, в частности, свое отношение в одном из важнейших событий литературной жизни Франции – спору «древних и новых», в ходе которого обозначилось глубокое изменение в отношении европейского сознания к античному культурному наследию. Обозначение Роллена как учителя обнажало здесь позицию Тредиаковского: Роллен был на стороне «древних», т.е. полагал классическую литературу непревзойденным образцом, главным эстетическим ориентиром для всего дальнейшего развития словесной культуры. Подобным воззрениям русский поэт сохранил верность в течение всей своей жизни.

Степень усвоения Тредиаковским французской литературы позволяют распознать его опыты во французском стихосложении; о них мы можем судить по 18 стихотворениям, опубликованным по-французски в 1730 году. Для того, чтобы писать стихи на чужом языке, необходимо, прежде всего, проникнуться духом иноязычной литературы; как видим, Тредиаковский здесь вполне преуспел. Об этом, пожалуй, более, чем франкоязычные стихотворения, свидетельствует его литературное творчество на родном языке. Оно заявило о себе в 1730 году, как только Тредиаковский вернулся на родину.

В Париже Тредиаковский прожил около двух лет – с конца 1727 по конец 1729 года; затем начался его несколько затянувшийся путь домой: через Гаагу и Гамбург. В Гамбурге он на некоторое время задержался, «со скуки» (как он сам говорил) начал он переводить **роман** П. Тальмана, который озаглавил «Езда в остров любви».

Перевод имел настоящий успех: только что вернувшийся домой относительно молодой автор стал знаменитым. Об этом, в частности, свидетельствуют его письма 1731 года И.-Д. Шумахеру, написанные по-французски. В них он неоднократно упоминает более чем благожелательный прием, который встретила его книга («Езда в остров любви» и сопровождающие ее оригинальные «Стихи на разные случаи») у многих читателей – прежде всего, у придворной молодежи; впрочем, и люди зрелого возраста, в том числе сановники, **роман** весьма одобряли.

В 1732 году Третьяковский был представлен императрице Анне Иоанновне, с того же года начинается его служба в Академии наук – сперва переводчиком, а с 1733 года он занимает для него и учрежденную должность секретаря. Круг его обязанностей был достаточно широк, но одновременно вполне определен: «вычищать язык русской пишучи как стихами, так и не стихами; давать лекции... окончить грамматику... и трудиться совокупно с прочими над дикционарием русским; переводить с французского на русский все что ему дастся» (цит. по: Кузнецов В.А. Третьяковский Василий Кириллович. С. 412). Речь, как видим, идет о словесных занятиях, в которых его, однако, мало что ограничивало – он мог делать то, «что ему дастся». «Далось» ему многое.

В 1730-е, да и в первой половине 1740-х годов жизнь Третьяковского складывается, скорее, благополучно. Это, естественно, не значит, что в ней отсутствовали встряски, неприятности и даже трагические моменты: всего этого в ней более чем хватало. Так, его преследовали пожары: в 1737 году он лишился почти всего имущества. Еще страшнее были последствия октябрьского пожара 1747 года: сгорел его дом, едва не погиб в огне его двухлетний сын Лев, вместе с другим имуществом был уничтожен перевод части «Римской истории» Ш. Роллена, только что завершённый. Подвергался Третьяковский и многочисленным унижениям при дворе. 4 февраля 1740 года над ним разразилась уже и подлинная беда: он был жесточайшим образом избит А.П. Волынским, в то время еще сохранявшим силу при дворе дряхлеющей Анны. Знаменитое это событие оказалось в судьбе Третьяковского роковым: попав в литературу (в **роман** И.И. Лажечникова «Ледяной дом») оно способствовало той негативной мифологизации его образа, которая весьма пагубно отразилась на посмертной его литературной судьбе.

Однако на жизнь Третьяковского все это не то чтобы не влияло вовсе, но не изменяло ее внутреннего наполнения: он непрерывно, без усталости продолжает трудиться.

Начав на заре 1730-х годов служить в Академии наук, Третьяковский сразу же проявил редкую неутомимость в занятиях. Наряду с продолжавшейся собственно литературной, т.е. поэтической, деятельностью, он обнаруживает в себе настоящего ученого-филолога: наука влечет его не меньше, чем поэзия. Об этом свидетельствуют многочисленные его работы – прежде всего, «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735). Положение его становится достаточно прочным – насколько вообще могло быть прочным положение безродного интеллектуала при аннинском, да и при елизаветинском дворе. В 1745 году Третьяковский стал одним из двух первых русских профессоров Академии наук (вторым был М.В. Ломоносов), а в 1748 году он начинает читать в возобновленном Академическом университете лекции по латинскому красноречию. В 1752 году выходят (сразу же вслед за первым и единственным томом «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова (1751)) его «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою», ставшие, таким образом, вторым в русской литературной культуре авторским собранием сочинений. И в литературной жизни Третьяковский — и в 1730-е, и в начале 1740-х годов — сохраняет значительное влияние, о чем свидетельствует, среди прочих фактов, его поэтическое состязание с Ломоносовым и Сумароковым 1743 года. Даже и в 1750 году с ним, хотя бы в определенных пределах, считались, как с некоторой литературной силой: в сентябре этого года императрица Елизавета Петровна поручила ему и Ломоносову написать по **трагедии**. Выполняя задание, Третьяковский создает «Деидамию».

Но, одновременно с этими вроде бы и успехами, Тредиаковский чем далее, тем более начинает оттесняться на периферию научной и культурной жизни. Много расстройств весьма разнообразного толка стали причинять писателю его совместники по словесному творчеству – Ломоносов и Сумароков; последний начал против Тредиаковского форменную войну. И в академической среде дела Тредиаковского складываются с каждым годом все неблагоприятнее. Например, попытка в 1751 году сравняться с Ломоносовым и в чине, и в жалованье заканчивается для Тредиаковского неудачей, а еще до нее, в 1749 году, прекращаются его лекции в Академии. Литературная полемика также складывается для него неудачно; при всей пылкости, проявленной им в спорах, он никак не выходит из них победителем. «Деидамия», сочиненная, как только что указывалось, по императорскому повелению, не была напечатана, не увидела свет и **комедия** «Евнух» (1752).

Утрачивая свои позиции, Тредиаковский далеко не сразу это осознает, примириться же с этим он не сможет до конца жизни. В течение многих лет, разными способами пытается он отстоять свое первенствующее место в литературной жизни - место, давно им потерянное. Однако проявляемое им запальчивое упорство только вредило; продиктованные этой запальчивостью поступки лишь делали поэта смешным и создавали ему крайне нелестную литературную репутацию.

Надо заметить, что защита Тредиаковским своего положения в русской культуре вовсе не была лишена некоего внутреннего благородства, и основывалась она на вполне справедливой уверенности в значимости собственных заслуг перед русским словом. Однако вел он себя далеко не всегда безупречно, чем, естественно, настраивал против себя и литераторов, и коллег по Академии наук. Все более и более становился он одинок и, как следствие, озлоблен. Неудача 1757 года с изданием стихотворного переложения Псалтири и поэмы «Феоптия» окончательно его подкосила. «Он слег (заболел или запил) и перестал ходить в Академию. Когда через год академическое начальство призвало его к ответу, он объяснил свое отсутствие “ипохондрией”» (Алексеева Н.Ю. «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» в творчестве В.К.Тредиаковского// Тредиаковский Василий. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. (Литературные памятники). С. 476). Все это закончилось катастрофой: 23 марта 1759 года Тредиаковский был из Академии уволен. Не помогли его уверения о продолжавшихся научных занятиях - уверения, между тем, соответствующие истине. М.В. Ломоносов и И.-К. Тауберт, определявшие в то время ход академических дел, мягко говоря, друг друга недолюбливали, однако в отрицательном отношении к Тредиаковскому полностью сходились и были рады от него избавиться.

На старости лет, после десятилетней плодотворной работы, Тредиаковский лишился и социального статуса, и научного окружения, и денег; он, говоря попросту, был выкинут на улицу. И остается только поражаться, что в ужасных этих условиях он продолжает свою литературную деятельность, причем продолжает крайне успешно. Главные свои начинания последних десятилетий (перевод огромного труда Ш. Роллена – Ж.-Б.-Л. Кретье, включающего в себя три связанные между собою, но отдельные сочинения: «Древнюю историю...» и «Римскую историю...» Роллена и «Историю о римских императорах...» Кретье и, конечно же, «Тилемахиду») он успевает завершить. Работать он продолжает до самой смерти, наступившей 6 августа 1768 года.

Как известно, в ходе литературной полемики середины XVIII столетия ее участники не скупались на эмоциональные оценки и бранные прозвища своим оппонентам. Но, пожалуй, один лишь Тредиаковский оказался культурной жертвой подобной непримиримости: те обидные прозвища, которые он получал в ходе словесных баталий 1740-1750-х годов как-то незаметно за ним закрепились и начали восприниматься чуть ли не как объективные, хотя и крайне резкие, характеристики поэтического его облика. Причины этому далеко не все и не всегда окончательно ясны, но главная из них, впрочем, понятна: творческие искания Тредиаковского чем дальше, тем больше не совпадали с магистральным сюжетом русской литературы середины XVIII столетия, произведения его казались – и не могли не казаться –

странными, а потому и смешными, а человеческие его поступки (о чем уже говорилось) негативное отношение современников только укрепляли.

Бездарный, но предельно самовлюбленный педант, нелепый и смешной, к тому же нечистоплотный в общественном своем поведении – вот, пожалуй, тот мифологизированный образ Третьяковского, шута, дурака русской литературы, который начал складываться еще при его жизни. Как странно он не совпадает с образом Третьяковского времени Славяно-греко-латинской академии и первых петербургских лет! За подобным несовпадением вырисовывается мучительная история не встретившей сочувствия творческой жизни. Действительно, в конце 1750-х, в 1760-е годы к Третьяковскому относились с презрением и насмешкой, никому и в голову не приходило видеть в нем гения, способного открыть новую страницу в русской литературе. Совершенно напротив, над ним прямо смеются. Достаточно вспомнить широко известное отношение ближайшего окружения молодой еще Екатерины II к «Тилемахиде»: правила екатерининского Эрмитажа предписывали в наказание за проступок выучивать небольшой фрагмент поэмы Третьяковского. Весьма знаменательно, что информация о екатерининском отношении к Третьяковскому была повторена Н.М. Карамзиным в «Пантеоне российских авторов» (1802), предопределив тем самым облик, с которым Третьяковский вошел в XIX век, т.е. в литературную историю. Конечно, были исключения: прежде всего, «Памятник дактило-хореическому витязю» А.Н. Радищева (1801), представляющий не просто попытку некоторой (не лишенной при том критичности) апологии Третьяковского, но и глубокий анализ поэтической фактуры его произведений. Не без одобрительности отзывался о Третьяковском и Пушкин. Но в целом серьезную и тем более актуальную литературную силу в Третьяковском не видели ни в конце XVIII, ни в начале XIX века.

Филологическая наука середины XIX века, в первую очередь в лице А.А. Куника и особенно П.П. Пекарского, немало сделала для уяснения и реальной биографии Третьяковского, и действительного его лица. Заслуги Третьяковского перед российской образованностью, благодаря собранным и представленным в течение XIX столетия фактам, постепенно начали становиться несомненными. Однако калибр литературного его дарования едва ли осознавался в большей мере, нежели это было в предшествующем веке: крупным и даже дерзостным талантом, потенциально способным направить литературное движение в предначертанное им русло, Третьяковского никто не считал.

Ситуация, пожалуй, стала меняться лишь на заре XX века. Началось все с признания неоспоримых научных заслуг Третьяковского; формирующееся новое литературоведение, прежде всего, стиховедение, вдруг обнаружило в филологических трактатах Третьяковского не просто памятник прошлого, любопытный, но неактуальный, а глубокое и совсем не лишнее адекватности исследование природы русского стиха, да и вообще стиховедческих проблем. В Третьяковском увидели не многотрудного педанта, но яркую творческую личность, с могучими мыслительными возможностями. Именно тогда и было обращено преимущественное внимание на позитивные пушкинские отзывы о Третьяковском, на «Памятник дактило-хореическому витязю» Радищева. Потом последовала и реабилитация Третьяковского-поэта, связанная в первую очередь с работами Л.В. Пумпянского; после них уже трудно было игнорировать и незаурядные поэтические достижения Третьяковского, и сознательность его литературной позиции, и своеобразие созданного им поэтического мира.

Впрочем, реабилитация эта происходила далеко не просто и совсем не быстро, еще относительно недавно возможны были отзывы о Третьяковском, причем претендующие на научность, подобные той характеристике поэта, которую предложил В.А. Западов: «Отсутствие большого поэтического таланта при непомерных претензиях, идейная беспринципность, крайняя неразборчивость в средствах борьбы с литературными противниками, архаичность эстетических воззрений навлекли на него презрение всех прогрессивно настроенных литераторов – современников, а само имя его надолго стало

синонимом графомана» (Русская литература XVIII века. 1700 – 1775. Хрестоматия. Сост. В.А.Западов. М., 1979. С.426).

Но все же, несмотря на подобные рецидивы, литературная репутация Тредиаковского принципиально изменилась. А исследования второй половины XX века, весьма разные по своим теоретико-методологическим основам и аналитическим принципам, высокий литературный статус писателя сделали едва ли не бесспорным. Пожалуй, ни об одном авторе XVIII века, включая М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина, не писали в это время так обстоятельно и одновременно остро и проблемно; достаточно назвать труды А.А. Алексеева, Н.Ю. Алексеевой, В.М. Живова, В.А. Кузнецова, С.И. Николаева, Ю.С. Сорокина, Б.А. Успенского, А.Б. Шишкина и др.

Подобный интерес нельзя квалифицировать как обыкновенную случайность: он продиктован внутренними потребностями русского духовно-культурного движения, которые обнаруживают в Тредиаковском нечто родственное современной культурной ситуации. В контексте культурных переживаний конца XX – начала XXI века он предстает как автор, заслуживающий особенного внимания; литературная его репутация сейчас гораздо ближе к тому, как он воспринимался в начале творческого пути, нежели к негативному его образу, сложившемуся в середине XVIII столетия; ее развитие, как оказалось, двигалось по спирали. В конце концов взгляд самого Тредиаковского на собственные заслуги перед Отечеством оказался исторически более верным, нежели негативные суждения его многочисленных и очень влиятельных противников. Пусть через многие десятилетия, но писатель над ними в конечном счете восторжествовал.

П. Е. Бухаркин

Контрольные вопросы к основному учебному тексту

1. П. Е. Бухаркин называет В. К. Тредиаковского «автодидактом». Какие особенности творческого портрета писателя имеет в виду автор учебного текста, применяя к нему это понятие?
2. Что вы узнали из учебного текста о биографии В. К. Тредиаковского?
3. Какие произведения В. К. Тредиаковского упоминаются в учебном тексте? Что вы узнали о каждом из этих произведений?
4. Как складывалась и менялась литературная репутация В. К. Тредиаковского при его жизни и в последующие десятилетия?

Обязательные научные тексты

1. Кузнецов В. А. Тредиаковский // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. СПб.; М., 2003. Кн. 2. С. 409–416.

2. Николаев С. И. Тредиаковский // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 255–268.

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10378>

Дополнительные научные тексты

1. Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.: Л., 1935. С. 5–55.

<http://www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=6059>

2. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М., 1936 (Глава 1. Начальный успех Тредиаковского. С. 7–53).

Контрольные вопросы к научным текстам

1. Кузнецов В. А. Тредиаковский // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. СПб.; М., 2003. Кн. 2. С. 409–416.

а) Как менялась языковая программа В. К. Тредиаковского на протяжении его творческого пути?

б) В чем состояло принципиальное различие поэтической речи В. К. Тредиаковского с одной стороны и его младших современников — М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова — с другой?

2. Николаев С. И. Тредиаковский // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 255–268.

а) Какова была роль В. К. Тредиаковского в литературной полемике его времени?

б) Что вы узнали о переводческой деятельности В. К. Тредиаковского?

Источник

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.-Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая серия).

<http://rvb.ru/18vek/kantemir/toc.htm>

Упражнения

1. На основе учебного и обязательных научных текстов составьте краткую летопись жизни и творчества В. К. Тредиаковского. Для этого можно использовать простую таблицу:

Дата	Событие

2. На основе учебного текста охарактеризуйте культурную позицию В. К. Тредиаковского. Для этого дайте во втором столбце таблицы краткое описание его отношения к культурным институтам, событиям и проблемам, названным в соответствующих графах первого столбца.

Русская Церковь	
Петровские реформы	
Современная европейская культура	
Спор «древних и новых»	

3. На основе статьи В. А. Кузнецова о В. К. Тредиаковском составьте перечень наиболее ярких особенностей стиля поэта. Найдите в его произведениях примеры, иллюстрирующие каждую из этих особенностей.

Библиография

1. Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982.
2. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахида» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981.
3. Алексеева Н. Ю. «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» в творчестве В. К. Тредиаковского// Тредиаковский Василий. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб., 2009. (Литературные памятники).
4. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М., 1936 (Глава 1. Начальный успех Тредиаковского. С. 7–53).
5. В. К. Тредиаковский (К 300-летию ученого поэта): Указ. литер / Сост А. Н. Стрижев. М., 2003.
6. Гуковский Г. А. Тредиаковский как теоретик литературы // XVIII век: Сб. 6. М.; Л., 1964.
7. Клейн Й. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // Клейн Й. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.
8. Кузнецов В. А. Тредиаковский Василий Кириллович // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. СПб., 2001.
9. Николаев С. И. Ранний Тредиаковский (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Русская литература. 1987, № 2.
10. Николаев С. И. Тредиаковский // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 255–268.
11. Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. 1. М.; Л., 1935.
12. Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. Вып. 1. М.; Л., 1937.
13. Радищев А. Н. Памятник дактилохореическому витязю... // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1941.
14. Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты// Символ. 1990. № 23.
15. Шишкин А. Б. В. К. Тредиаковский и традиции барокко в рус. литер. XVIII в. // Барокко в славянских культурах. М., 1982.
16. Reufman J. Vasilii Trediakovsky. The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1990.

Тесты

1. Тредиаковский учился в Киево-Могилянской академии.

- True

- False

2. В студенческие годы Тредиаковский создал

a. поэму «Тилемахида»

b. перевод поэмы Вергилия «Энеида»

c. перевод романа Д. Баркляя «Аргенида»

d. «Оду торжественную о сдаче города Гданска»

е. «Элегию о смерти Петра Великого»

3. Известно, что, находясь за границей в 1725-1730 гг., Тредиаковский побывал в следующих городах:

- а. Рим
- б. Лондон
- в. Париж
- г. Гаага
- е. Фрайбург
- ф. Гамбург

4. Известность Тредиаковскому принес перевод любовно-аллегорического романа П. Тальмана «Езда в остров любви».

- True
- False

5. Произведения каких жанров были созданы Тредиаковским?

- а. героида
- б. духовная ода
- в. комедия
- г. песня
- е. элегия
- ф. басня

6. В 1935 году Тредиаковский написал трактат, известный под заглавием _____

7. В сборнике «Три оды парафрастические...», помимо Тредиаковского, приняли участие:

- а. Сумароков
- б. Кантемир
- в. Радищев
- г. Ломоносов
- е. Державин

8. Тредиаковский был смелым новатором, отвергавшим классическое культурное наследие.

- True
- False

9. Стихотворная форма, которой написана «Тилемахида», называется:

- а. одические десятистишия
- б. сонет
- в. гекзаметр
- г. александрийский стих

10. В поздний период творчества Тредиаковский стремится приблизить свой стиль к разговорной речи, отказывается от употребления церковнославянских слов и упрощает синтаксис.

- True
- False

11. Объясните, почему заслуги Третьяковского не были по достоинству оценены современниками.